

***** с доставкой на дом**

О мирной Рязани, немирном Киеве и о том, как погиб Конь

Дом на Новоселов, 42, где погибли четверо. Фото автора

07:17, 6 июля 2026,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

14 мая многие СМИ написали: «В Брянской области от удара дрона погиб известный путешественник Саша Конь, его знают также под кличкой «Рязанский Конь», — потом выяснилось, что звали его не Саша, и что он не из Рязани, и что с конем у него мало общего, но история все равно начинается не с этого. История начинается с того, что однажды, года три назад, к одному петербуржцу на улице ни с того ни с сего подошел потрепанный парень и спросил: «Работа есть?»

Парень был грязноват, весь в дырах и верхом на велике, а петербуржца звали Владимир, и работа у него была. Владимир занимался ремонтом квартир и в то время как раз делал капитальный ремонт в одной из многоэтажек.

— Ну а что ты делать умеешь?

— Да давай какую-нибудь самую тупую тяжелую работу — таскать там чего-нибудь.

— Ну пошли.

И пошли: велосипедист стал помогать делать ремонт в квартире — выносить, заносить, разгребать. Правда, не сразу удачно. Сначала Владимир попросил нового работника очистить стену, чтоб потом ее оштукатурить, — и хотя мало пока о парне знал, по результату выполненного задания понял, что ни маляром, ни штукатуром он пока не был.

— У тебя вообще образование есть? — спросил прораб.

Выяснилось, что вроде как есть: не то физическое, не то математическое, — сейчас Владимир уже не помнит. Он забил номер парня в свой телефон с подписью «Леха Чудный» — и велел заносить, выносить и разгребать.

Парня действительно звали Алексей, фамилия настоящая была

Белов, но если бы Владимиру вдруг пришло в голову расспросить его про детство, он бы знал, что кличка у Лехи не Чудный, а Кукуруза. Когда был Леха маленький, он с другом детства Романом тырил с кукурузных полей початки, таскал домой, где их варили, а потом относил на базар и продавал. За предпринимательский талант так и назвали.

Алексей Белов (Саша Конь). Фото: соцсети

Владимир и Леха работали на объекте вместе — Леха оказался очень спортивным и мог целыми днями носить мешки с цементом. А потом спать — прямо во дворе. В палатке. Ну то есть не так, чтобы центр Питера и его шалаш посреди Невского, — нет, интеллигентно, во дворе в кустиках. Культурная столица все-таки — говорят, он всегда мечтал в нее переехать из родного Норильска (из-за культурности). Готовил он тоже прямо на улице, на горелке: всегда у него был накоплен «Доширак» и

стояло в коробке подсолнечное масло.

Первый раз, когда Владимир увидел этот праздник единения с природой, поразился:

— Ты чего? Ты сказал бы, я б тебе ключ оставил и живи ты в этой квартире — там все равно пусто, все разворочено, но хоть вода есть, электричество, тепло.

— Не, мне и тут хорошо. Тут воздух свежий.

— Ты что, бомж?

— Не, всё есть у меня.

— Детдомовский, что ли?

— Нет, это мой выбор.

Потом выяснилось, что и не детдомовский, и не бомж. По законам жанра, должен был, конечно, сказать, что отец — турецкоподданный, но про отца он не говорил: часто упоминал мать, которая ждала и всё звала обратно: «Посмотри, на кого похож!» И он иногда ходил к ней, менял одежду, когда совсем уж изнашивалась. Но домой не возвращался и денег не брал — «я ж уже большой мальчик, чего это я буду у мамы просить?». Мальчику, и правда, было тогда уже лет тридцать пять. И кажется, имел он даже ключ от квартиры — своей собственной, питерской, но и там отказывался жить тоже. Не пил, веществ не употреблял, соседей не раздражал, мылся под самодельным рукомойничком. И только однажды основательно почистился и постирался в квартире под душем — оказалось, собирался на свидание.

А когда получал зарплату, собирал палатку и уезжал в неизвестном направлении. Тогда, когда Владимир увидел его в первый раз, он такую жизнь только начинал. Чем жил до этого,

тоже можно только гадать: говорят, успел побыть великим комбинатором — перепродавал вещи из Турции, и некоторое время даже небезуспешно. А потом, как раз где-то после 2022-го, вдруг бросил коммерцию, ушел из дома, сел на велик и решил объехать всё объезжаемое. Заработает денег, отключит телефон и уедет — без цели, куда ветер подует, а потом возвращается и рассказывает прорабу: там был, сям был, проехал сначала весь Питер, потом всю Ленинградскую область. Про людей не рассказывал — всё больше про закаты и восходы. Владимир вспоминает, что тот любил смотреть, как заходит солнце, и мечтать.

— О чем?

— Да о мире во всем мире.

О мире мечтал в основном. Сидел, рассуждал об этом. Не понимал, зачем люди творят зло. Не потому, что дурак какой был, а просто искренне не понимал — зачем насилие, зачем убийство? Всего ж в мире на всех хватает.

Потом уехал окончательно. На странице во «ВК» оставил многозначительную запись: «Я уехал делать себя нового и пожить душой. На сообщения не отвечаю. Искренне желаю всем добра», — и всё. Новости о том, где он и как, долетали до всех только издалека, из соцсетей. Месяца через два, в ноябре 2024-го, он повесил на стене аккаунта схему маршрута — десятки городов, регион за регионом: Питер, Валдай, Липецк, Волгоград, Астрахань, Волгоград, Дербент, Беслан, Грозный, Армавир, Ростов-на-Дону, Форос, Керчь, Донецк, Луганск, Сухуми, Гагра, Туркестан, Бишкек, Алматы. 13 020 км в квадратных скобках. Позже, когда выловили его в тульских

пригородах местные журналисты, Леха **им сказал**: «Я хотел бы побывать в Латинской Америке или у Амазонки, посмотреть на то, как живут дикие племена».

А чуть раньше этого, осенью 2025-го, откуда ни возьмись объявился под Рязанью — без велика, зато с большой рыжей самодельной повозкой, в которую впрягся вместо коня. За это — за повозку и за то, что соблюдал правила для гужевого транспорта, дэпээсники обозвали его «Рязанским Конем». Оказалось, он в Рязани этот свой дом и строил.

В ночь на 14 мая в рязанской многоэтажке в ЖК «Триколор» не мог уснуть местный житель. Точнее, житель был не местный — в Рязани он задержался случайно: собирался с девушкой в отпуск к морю, но рейс самолета все откладывали и откладывали, так что приходилось которую ночь пережидать здесь. Сам он был из Сочи — так что жужжание дронов знал не понаслышке. И понимал, конечно, что вероятность прилета именно в этот дом стремится к нулю, но уснуть всё равно не получалось. Около четырех утра, в полудреме, он понял, что даже его натренированное ухо такого близкого жужжания еще не слышало. Кровать стояла у окна — он сдернул с нее спящую девушку и еле успел втолкнуть ее в ванную, когда наверху рвануло. Он посмотрел в окно, и перед глазами остался стоять кадр как из боевика: отражающееся в стеклах соседнего здания пламя этажей на десять.

Между их квартирой и той, куда влетел дрон, было этажей семь, — но это он понял уже сильно позже. Сначала он не понял ничего: решил, что горит соседнее здание. Он вышел на балкон, открыл окно и посмотрел вниз — прошли минуты, но на улицу уже успели выбежать люди и к подъезду подъезжали скорые и пожарные. Сантиметрах в десяти от лица пролетел пепел. Он посмотрел вверх — под верхушкой многоэтажки,

выкрашенной в цвета российского триколора, полыхало пламя.

На лестничной площадке толпа людей бежала вниз, к выходу — лифты уже не работали, но освещение оставалось. Собравшиеся у подъезда стояли молча, смотрели вверх. Только на пятнадцатом этаже кричали люди — выйти они не могли, но скоро их спасли подъехавшие эмчезники. Потом разошлись: кто к родным, кто куда. К полудню уже начали пускать жильцов в неповрежденные квартиры — выгорели одна-две, во многих оказались разбиты стекла, но погибших в этом доме не было. Погибшие были в другом — в старой советской панельке на Новоселов, 42.

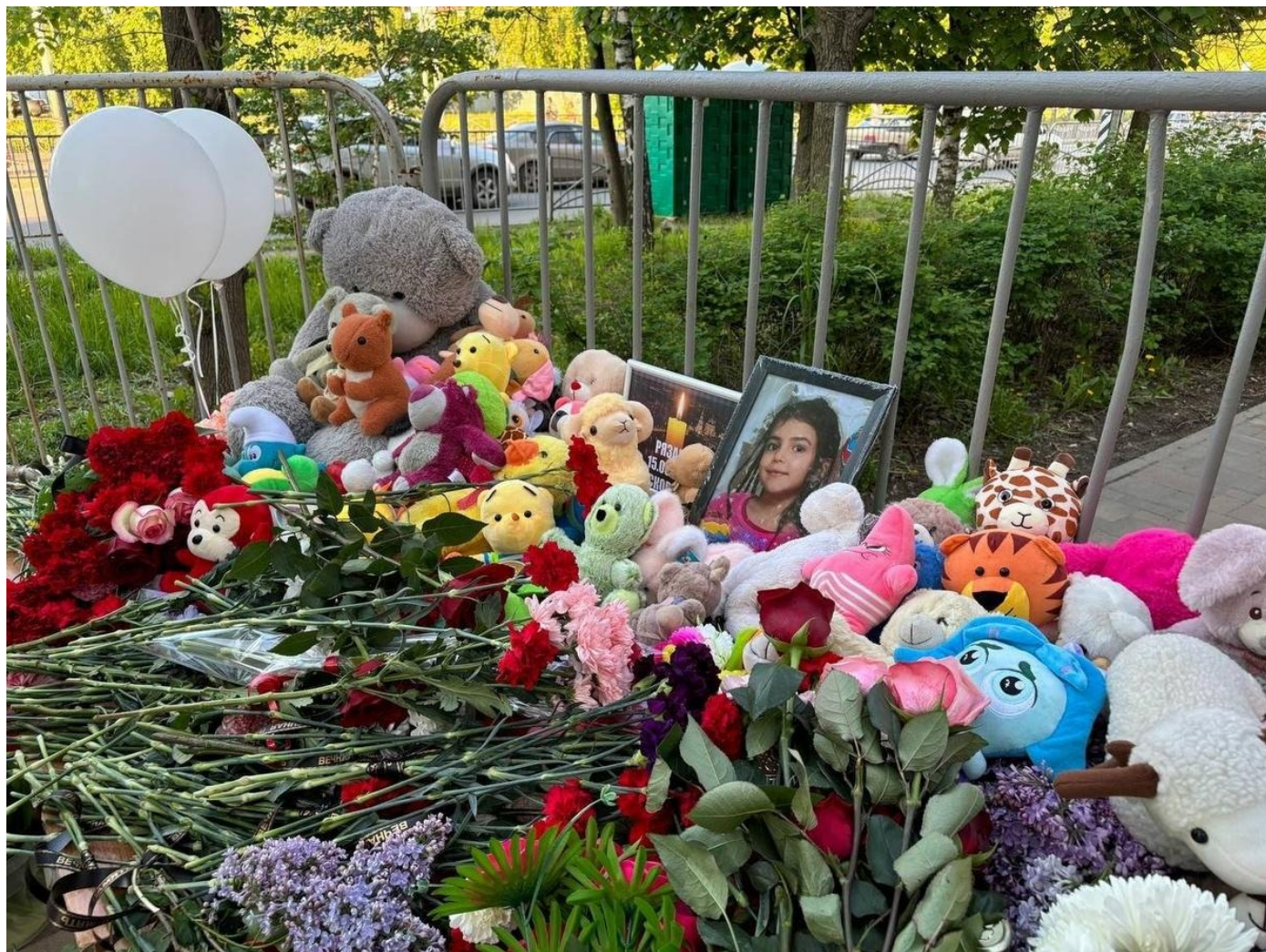
На следующий день все, кто проходил мимо огороженной девятиэтажки на Новоселов, останавливались и, как на квадрат Малевича, смотрели на черные ввалившиеся окна. И — как на выставке авангарда — спорили, предполагали, показывали пальцами. Около подъезда возник стихийный мемориал — гора цветов и игрушек с выглядывающей из-за них фотографией восьмилетней девочки. Имя на фото было написано с ошибкой: Севинч, а надо Севиндж — Севиндж Гулиева, одна из дочерей многодетной семьи азербайджанцев, наверное, единственная из погибших, о ком потом написали и рассказали хоть что-то. Ее отец Магомед [говорил местным журналистам](#), что в ночь прилета собирался отправить дочь спать в ее комнату, но та попросила остаться на диване в гостиной.

Убил ее не столько сам дрон, сколько планировка: советские панельки вообще мало к чему приспособлены, особенно не приспособлены к боевым действиям.

Новые дома, монолитно-каркасные, вроде тех, которые стоят в

ЖК «Триколор», — достаточно крепкие для того, чтобы влетевший в них дрон выжег только один этаж. А панельные дома, как домино, от прилета складываются целыми подъездами. Севиндж погибла под завалом. Так же погибли и остальные трое пока неизвестных — они не были членами одной семьи, их квартиры просто находились друг под другом.

Гулиевы успели спасти троих сыновей. Мемориал младшей дочери, видимо, уже не увидели — уехали обратно в Азербайджан. Охранявшие мемориал две представительницы городской администрации, как хранительницы музея, охотно объясняли подходившим рязанцам, что остальных пострадавших, кто сам не разъехался по родственникам, развезли по ПВР — в бывший кинотеатр «Октябрь» и в гостиницы вроде Соснового бора. Пострадавшим пообещали выплаты по расценкам: членам семей погибших — 1 567 500,00 рублей на каждого погибшего, за тяжелый вред здоровью — 627 000,00 рублей на человека, за легкий вред — 313 500,00 рублей на человека, за частично утраченное имущество первой необходимости — 78 375,00 рублей на человека, за полностью утраченное имущество первой необходимости — 156 750,00 рублей на человека. И еще сказали, что из-под завалов эмчеэсники спасли попугая и кошку.

Стихийный мемориал — гора цветов и игрушек с выглядывающей из-за них фотографией Севиндж Гулиевой. Фото автора

Рязанцы слушали, кивали, вздыхали, еще некоторое время разглядывали черные выгоревшие дыры и сухие обожженные сучья деревьев посреди зелени — и расходились есть мороженое. И везде: у ограждения перед домом, на остановках автобусов, в очередях в магазинах, за завтраком в гостинице — говорили и говорили об одном: куда прятаться и как понять, что что-то вообще летит.

До сих пор жизнь Рязани в общем не была тишайшей — дроны летали, ПВО работала, обломки падали. Просто до сих пор — все четыре с лишним года — от этого никто не умирал.

И вдруг умер. К такому, как к эпидемии заразной болезни, город готов явно не был. Да его и не готовили.

На ресепшене в гостинице хозяйка, внезапно оказавшаяся жительницей дома по Новоселов, 44, — то есть соседкой пострадавших, — дала послушать записанное в ночь на 14-е диктофонное аудио: отдаленный грохот сбиваемых дронов, похожий на майский гром, под абсолютно безмятежный щебет птиц. Потом — резкий взрыв, мгновенный рев автомобильной сигнализации, обрыв записи. И это всё. Ни сирен, предупреждающих об опасности атаки БПЛА, ни голосовых сообщений через уличные громкоговорители. Просто: внезапная смерть посреди птичьего пения. Зачем остальных тревожить?

В ландшафте города тоже об опасности мало что напоминало: ни укрытий, ни указателей, куда бежать. Подвалы закрыты и есть далеко не везде, к паркингам, даже если есть, еще поди спустись. Мобильного интернета нет, телеграм заблокирован, и единственное, что слегка не вписывается в политику «Не будем разводить панику», — это редкие СМС, предупреждающие, что небо над городом не слишком мирное. Предупреждающие обычно с большим опозданием: операторы сетей, говорят, не могут отправлять больше пятисот сообщений за раз, так что кому повезло — тот оповещен, а кому не повезло — спите спокойно. Либо в прямом смысле, либо в переносном.

Правда, на то, что городу давно пора подготовиться к ***, не то чтобы до сих пор ничего не указывало: значительной целью недавно стал нефтеперерабатывающий завод.

На НПЗ удобнее всего было смотреть с местного кладбища. Фото автора

На НПЗ удобнее всего было смотреть с местного кладбища — характерный вид: из-за флагов с российским триколором и с гербами ВДВ торчали покрытые антидроновой сеткой трубы завода. Флагов на кладбище с каждым годом всё прибывает, а антидроновая сетка на трубах, видимо, с каждым годом всё менее полезна.

Первый раз по НПЗ прилетело в марте 2024-го — после этого большая часть сотрудников поувольнялись. Да и работать там, говорят, в последнее время было уже мало чему, хотя ремонты и шли. После нынешнего удара, принесшего в город тучу с нефтяным дождем, говорили, что основную установку тушили трое суток, асфальтовых дорог, проложенных по территории огромного, как город, завода, не было видно из-за залившего их мазута — и весь завод стоял обесточенный и обезвоженный, под черным столбом дыма, такой же безжизненный, как его соседи.

За вопрос о каких-нибудь компенсациях пострадавшие сотрудники поднимали на смех: кроме самой по себе нелепости вопроса бомбардировка НПЗ, как и прилеты по домам, официально ведь объявлены терактом — а теракты страховыми случаями не являются.

А на прощание говорили:

«Это всё как ураган, как потоп — стихия, с которой ничего не можешь сделать. Мы и не помним уже, что когда-то по-другому жили. Кажется, что *** всегда была, и будет всегда. Привыкли уже».

«Привыкли, — говорит в трубку голос из Киева. — Рутинизация *** произошла. Это в самом начале, в 2022-м, все, как сирену услышат, бежали в укрытие, даже жили в метро: на некоторых станциях стояли специальные вагоны. Сейчас многие никуда не бегут — просто невозможно работать и жить, если всё время бегать. Невозможно всё время не высыпаться. Многие надеются на Бога и ПВО».

Голос из Киева — это Татьяна Попова, военный журналист. Военный журналист, который занимается своим делом много лет, выезжает на места прилетов, все четыре с лишним года ходит по почерневшим от копоти квартирам с обгоревшими телами — и плачет, когда об этом рассказывает.

Киев. 27 декабря 2025 года. Фото: AP / TASS

После взрывов в Киеве, которые прогремели в Киеве в ночь с 13 на 14 мая, погибло, как писали мировые СМИ, 24 человека. Больше всех — в старой советской панельке, которые по всему Союзу строились одинаково, а теперь одинаково, как домино, складываются целыми подъездами. Панелька стояла в Дарницком районе, и из тех, о ком известно, там погибли трое школьников, тридцатилетний флорболист Юрий Орлов, его девушка Марина Гоменюк, Дмитрий Павелко и Дмитрий Лепский с женой и воспитательница детского сада Светлана Москалишина. Одной из школьников — Любаве — во дворе дома устроили стихийный мемориал: гора цветов и игрушек с выглядывающей из-за них фотографией двенадцатилетней девочки.

К *** здесь, может, и привыкли, но точно не как к урагану или потоку — не бессильно, не отрешенно. Татьяна объяснила:

«Это в самом начале было, что никто не знал, что делать. Поначалу были скандалы с убежищами: какие-то оказались закрыты, какие-то недооборудованы или где-то ключ был у сторожа, который вовремя не открыл. На Левом берегу была история: женщина с ребенком бежала к подвалу, и ракета прилетела прямо возле нее, а дверь оказалась закрыта. Сторожа судили потом.

Я помню, во время осенних обстрелов в 2022-м выскочила на верхний этаж дома, стояла, любовалась и думала: боже, какие красивые звездочки падают волшебные. Потом оказалось, это «Пэтриоты» сбивали ракеты километрах в десяти-двадцати от меня. А я звездопадом любовалась.

Сейчас-то всё отлажено. В школах дети учатся так, чтобы в подземном убежище всем хватило места. Мой, например, ребенок в первой смене учится в этом году, но в прошлом учился во второй — именно потому, что так распределялись места в убежище. Ребенок говорил, что ему нравится, потому что там дают сок и пиццу.

Я не понимаю, зачем вам в России отключают мобильный интернет. Очевидно же, что управление дронами от него не зависит. У нас интернет прекрасно работает — потому что когда сидишь в убежище, в ванной или в подвале, как по-другому отследить, что и куда летит?

Как знать, что закончилась тревога? У нас даже есть программа, которая показывает, в скольких километрах от тебя находится дрон, она тоже без интернета работать не будет.

Хотя бывают и такие обстрелы, когда ничего не работает: нет интернета — ни мобильного, ни домашнего, нет электричества. Помню, первый обстрел был, в 2022-м еще: больше двенадцати часов ни связи не было, ни электричества. Радио спасло — я незадолго до этого купила радио на длинные и короткие волны. А больше — никакой связи с миром не было.

Сирена тревоги звучит дважды: длинная вначале и короткая в конце. Поначалу, правда, было неудобно. Вот в Израиле, например, тревога объявляется по районам — а у нас по областям. Но Киевская область — она ведь огромная, от Белорусской границы до Белой Церкви, больше 170 км в длину. Я живу в южном районе, и если дроны летят с севера, то чаще всего область насквозь не пролетают. Теперь уже тревоги южным районам из-за угрозы северу не объявляют, а вот раньше объявляли постоянно.

Не все реагируют на сирену — чтоб выспаться, но некоторые прямо с палатками в метро спускаются и там спят. Всё ведь по-разному: от «Шахедов», например, можно не прятаться, если спишь на нижнем этаже».

В Киеве давно научились отличать ракеты от «Шахедов» — иранских дронов, которые, упрощая, иногда называют «шахидами». И атаки там тоже называют терактами.

Все изучили звуки и полутона, все поняли, на какой высоте опасен «Шахед», а на какой стоит бояться только ракеты, чем заменять выбитые стекла в окнах и какими продуктами на случай чего запастись (водой и чем-то долгожительствоющим). «Все привыкли — потому что знают, что делать, чего бояться меньше, чего больше».

— Все-таки как о вас ваши власти заботятся, — не сдерживаюсь я, в очередной раз вспомнив рязанцев с их язычески-погодным отношением к военным действиям и приграничников, у

которых уже пятый год идет в основном под общим лозунгом «Спаси себя сам».

— Ну а как иначе, — голос Татьяны становится удивленным. — Мы же их выбирали! Если они не будут этого делать, если они нам не понравятся, мы их сменим.

И только тут до меня доходит, какая между нами лежит бездна. И когда я все-таки продолжаю не понимать, как можно привыкнуть к *** с доставкой на дом, Татьяна рассказывает: на следующий день после первого майского обстрела ее подруга, фотограф, решила пораньше, до работы, заехать в ботанический сад — там как раз зацветала сирень, и ради этой красоты в сад начинали пускать с пяти утра. В полной уверенности, что одна такая эстетка, она свернула к саду — и увидела очередь ко входу длиной с половину Киева. Не выспавшийся после ночной атаки город пришел в пять утра буднего дня любоваться цветущей сиренью.

Повозка Коня — собственный дом на колесах, который он вывез на своем горбу из Рязани, — весила больше двухсот килограммов. Зачем было запрягать в нее самого себя — история умалчивает, скорее всего, так было просто дешевле. О том, как вообще пришла мысль ее построить, история тоже умалчивает, но, проводивший в детстве каждое лето у бабушки на даче, гоня по лесам с друзьями на великах, Леха Кукуруза всегда умел хорошо строить шалаши. Один из этих дворовых друзей, Роман, вспоминает, что шалаши у них всегда получались особенные, уютные, там даже печки были. В повозке, которую построил уже тридцатилетний Леха, тоже была печка-буржуйка, над ней была прибита полка с посудой, на полу спальное место, на потолке — карта мира, на двери — наклейка с головой коня. Постепенно к ней — на правах рекламы или на каких-то других — добавились разные

логотипы: «Норникель», «Ессентуки», «Пятерочка»: то ли это был очередной сравнительно честный способ заработка, то ли отсчет пробега по бездорожью.

Фото из тульского издания MySlo

Из-за этой повозки он стал широко знаменит в узких кругах, из-за нее сменил кличку и даже имя (Леху стали путать с блогером Сашей Конем). Из-за нее, видимо, путь и закончил. И 14 мая, когда многие СМИ написали о его смерти, Роману, давно о друге новостей не слышавшем, пришло сообщение: «Леха Кукуруза погиб».

14 мая около поворота на село Новенькое ехавший по дороге водитель заметил бредущего со своей повозкой Коня. Конь встречную машину тоже увидел и стал сворачивать к обочине — и тогда рядом с ним упал Грв-дрон, осколок попал в голову. По

соцсетям понеслись слухи: что дрон целил специально в Коня, что погиб он вообще не там, что погиб вообще не он, что вообще не от дрона. Дрон и правда мог целить в него — он оказался одетым в хаки. Но остальные сомнения опровергла его мать Татьяна в нашей с ней переписке: действительно это он, действительно погиб, действительно из-за дрона. Они с его отцом приехали в брянский морг, тело кремировали и похоронили в Питере. А его дом, его повозка, как написал «Подслушано Брянск», оказалась передана «бойцам в воинскую часть брянского приграничья. С ее помощью военные будут перевозить на квадроциклах и мотороллерах продукты, дрова и другие необходимые грузы».

До Южной Америки Конь из Рязани не дошел. Да и непонятно, как он надеялся добраться до нее, бредя в сторону украинской границы. Брянская область — не Рио-де-Жанейро, в самом деле.

Этот материал вышел в двадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.